

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2023. Том 27, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI 10.18522/1995-0640-2023-2-129-139

«ДОНСКОЙ ЧЕХОВ»? К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ТВОРЧЕСТВА Р. П. КУМОВА

Аркадий Хаимович Гольденберг

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

Аннотация. Рассматривается эволюция творческой манеры Р. П. Кумова, одного из крупнейших донских писателей Серебряного века, воспринимавшегося современной критикой в качестве «донского Чехова». Этому способствовали лирическое начало его стиля, тонкий психологизм в изображении героев, по большей части лиц духовного звания – от послушника до архиерея. В начале творческого пути он открыто ориентируется на сюжеты известных произведений Чехова, пользуется приемами его поэтики, создавая своеобразный литературный палимпсест. Но уже в первой половине 1910-х гг. в его прозе и особенно в драматургии появляются новые темы, герои, мотивы, стремление к изображению острых конфликтов современности, крупных и противоречивых характеров. После 1917 г. он становится свидетелем и художественным летописцем донской Вандеи, братоубийственной гражданской войны на Дону. Значительную роль в его донских текстах играет казачий фольклор, мотивы и образы народной эсхатологии. Все это свидетельствует о необходимости пересмотра устоявшихся представлений о литературной атрибуции писателя и его месте в русской литературе XX в.

Ключевые слова: Р. П. Кумов, А. П. Чехов, литературный палимпсест, духовная проза, драматургия, донская литература

Для цитирования: Гольденберг А. Х. «Донской Чехов»? К проблеме литературной атрибуции творчества Р. П. Кумова // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2023. Т. 27. № 2. С. 129 – 139.

Original article

THE DON CHEKHOV? ON THE PROBLEM OF LITERARY ATTRIBUTION OF R. P. KUMOV

Arkady Kh. Goldenberg

Volgograd State Social and Pedagogical University. Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the evolution of R. P. Kumov, one of the largest Don writers of the Silver Age, perceived by modern critics as the "Don Chekhov". This was facilitated by the lyrical beginning of his style, subtle psychologism in the depiction of characters, for the most part people

© Гольденберг А. Х., 2023

of the clergy – from a novice to a bishop. At the beginning of his career, he openly focuses on the plots of Chekhov's famous works, uses the techniques of his poetics, creating a kind of literary palimpsest. But already in the first half of the 1910s, new themes, characters, motives appeared in his prose and especially in dramaturgy, the desire to depict acute conflicts of our time, large and controversial characters. After 1917, he became a witness and artistic chronicler of the Don Vendee, a fratricidal civil war on the Don. Cossack folklore, motifs and images of folk eschatology play a significant role in his Don texts. All this indicates the need to revise the established ideas about the literary attribution of the writer and his place in Russian literature of the 20th century. The lyrical "mood" as the dominant beginning of his poetics, landscape painting are in many ways related to the aesthetics of Russian impressionism (B. Zaitsev, I. Shmelev, S.N. Sergeev-Tsensky). It is no coincidence that the writer especially singled out S.N. Sergeev-Tsensky. However, this aspect of Kumov's poetics requires special study. Kumov's artistic method cannot be reduced to a single formula. A systematic approach is required to the problem of the evolution of his work, in which romance and realism, spiritual and religious, and psychological, Don and all-Russian, "native and universal" turned out to be inseparable. The definition of the "Don Chekhov" reflects only one of the features of his artistic manner, which is very important, but not accurate enough for literary attribution of the writer's work.

Key words: *R. P. Kumov, A. P. Chekhov, literary palimpsest, spiritual prose, dramaturgy, Don literature*

For citation: *Goldenberg A. Kh. The Don Chekhov? On the problem of literary attribution of R. P. Kumov // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2023. Vol. 27. № 2. P. 129 – 139.*

Введение

Определяя место писателя в литературном ряду и своеобразие его художественной манеры, нередко прибегают к сопоставлению с писателями-классиками. Их творчество выступает в качестве литературного образца, как некий прецедентный текст, на который, по мнению критики, был ориентирован современный автор. Подобную роль в эпоху Серебряного века играло творчество А. П. Чехова [Чеховиана, 1996]. Притяжение к нему испытала едва ли не вся русская и мировая литература. Но был в начале XX в. донской литератор, писавший свои тексты «поверх» чеховских, открыто использовавший темы, сюжеты, мотивы, художественные приемы любимого писателя. Они получили своеобразное преломление в творчестве Романа Петровича Кумова (1883-1919), которого многие современники воспринимали как «донского Чехова».

Роман Кумов умер в возрасте 35 лет от сыпного типа в феврале 1919 г. и был по решению Войскового круга Всевеликого Войска Донского похоронен в Новочеркасске с воинскими почестями как донской национальный писатель. Масштаб его литературного дарования был по-настоящему осознан лишь после его ранней смерти.

Сопоставление Кумова с Чеховым отнюдь не было случайным. В прозе первого периода его литературной деятельности явно выражено чеховское начало. Однако нельзя говорить о его доминировании без учета эволюции творчества Р. П. Кумова, исследованию которой посвящена настоящая статья.

Необходимо определить идейно-художественную специфику преломления чеховских традиций в произведениях донского писателя на разных этапах его творческого пути. Особого внимания требуют способы

обработки чеховских сюжетов и образов в прозе писателя, специфика постановки проблем религиозно-философского характера, приемы чеховской поэтики комического в рассказах Р. П. Кумова. Впервые предметом рассмотрения становится поворот писателя от чеховской традиции к новым темам и образам в середине 1910-х годов, изменение масштаба творческих замыслов, новаторство его прозы и драматургии. Дается характеристика художественных особенностей донской прозы писателя эпохи Гражданской войны.

Исследование и его результаты

На тесную связь поэтики Кумова с чеховским творчеством критика обратила внимание уже с первых шагов писателя в литературе. Помимо сюжетно-тематических переключек, к этому побуждало, прежде всего, лирико-психологическое начало, доминирующее в прозе молодого литератора. В откликах на рассказы, вошедшие затем в его первый сборник «Бессмертники» (1909), героями которых были по преимуществу духовные лица – от монастырского послушника до архиерея, отмечались «молодой, задушевный талант» Кумова, «свой слог», пленяющий «почти чеховской грустью и красотой», умение «найти в серой обыденности золотые руды истинно человеческой души» и развивать «незаурядную по тонкости психологию» [Шестаков, 1907, с. 4 (цит. по: Заяц, 1994, с. 228)].

Одной из художественных доминант сборника стал рассказ «На родине», впервые опубликованный в 1907 г., в бытность Кумова студентом юридического факультета Московского университета. Юный автор так объяснял замысел рассказа своему литературному наставнику И. Л. Леонтьеву-Щеглову, входившему в круг так называемых «спутников Чехова»: «Когда я задумывал писать его, я знал, что впереди уже есть “Архиерей” – бесценный по глубине и простоте “Архиерей” Чехова, но мне очень нравилась тема, думалось, что как-нибудь я сумею вложить в нее хотя что-нибудь свое, оригинальное...» [Кумов Р. П. Письма И. Л. Леонтьеву-Щеглову, л. 16].

Сюжет рассказа строится по тому же ретроспективному принципу, что и «Архиерей» Чехова. Герой Кумова, преосвященный Иоанн, после пережитой болезни отправляется в родной город, где отсутствовал долгие годы. На родине, в тихом степном городке, он вспоминает прошлое, подводит неутешительные итоги прожитой жизни, а затем умирает.

В основе рассказа Чехова, как было замечено, лежит конфликт между социальной ролью человека и его личностью. Несмыкаемость внешне-ролевого и внутренне-личностного приходит извне, навязывается другими [Тюпа, 1989, с. 88]. Герой тяготится тем, что «*За все время, пока он здесь, ни один человек не говорил с ним искренне, попросту, по-человечески*», даже «*нежная и чуткая*» в его детстве мать теперь перед ним «*как будто чувствовала себя больше дьяконицей, чем матерью*» [Чехов, 1977, с. 194]. Лишь когда преосвященного Петра настигла смертельная болезнь, она забывает о его сане, называя умирающего сына личным детским именем: «– Павлуша,

голубчик, – заговорила она, – родной мой!.. Сыночек мой!..». Но «он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал» [там же]. Простое человеческое общение с матерью, о котором он тосковал, так и не состоялось. Свободу от тяготившего его сана приносит архиерею только смерть.

У Кумова чеховская фабула перевернута. В его рассказе мотив освобождения героя от социальной роли возникает с момента возвращения на родину. Старушка-родственница, живущая в доме, где прошло его детство, смеясь и плача, называет преосвященного Иоанна мирским именем Игнаша. И уже через неделю он ощущает себя другим человеком: «*За это время жители городка уже успели привыкнуть к нему <...> Он стал обыкновенным человеком, и это было хорошо – после всяких официальных торжеств, окружающих всю его архиерейскую жизнь... Он пользовался свободой, чудесной свободой человека, на которого никто не смотрит*» [Кумов, 2008, с. 147].

Болезнь и предчувствие скорой смерти заставляют героев Чехова и Кумова заглянуть в свое сердце и задуматься о смысле прожитой жизни, о глубине и сердечности своей веры. Тоска по искренней детской вере у героя Кумова еще более мучительна, чем у чеховского архиерея. Обращаясь к проблеме религиозного чувства, поставленной его литературным предшественником, Кумов вступает с ним в творческий диалог. В разработке темы он почти буквально следует за Чеховым, ставя своего героя в сходные сюжетные ситуации. Однако их интерпретация носит иной характер. Чеховский архиерей даже перед лицом смерти не может вернуть себе живую, сердечную веру. Высокий духовный сан сковывает его чувства, отдаляет и от окружающих людей, и от Бога. Для героя Кумова религиозное чувство оказывается неразрывно связанным с его пастырским служением. В своем предсмертном видении ему, как и чеховскому архиерею, представляется поле. У Чехова это символ обретенной душевной свободы, у Кумова – поле смертной жатвы. Но сначала он видит Христа в пустыне, ведущего народ «куда-то далеко-далеко». И когда Христа не стало, старый архиерей ведет за собой народ «*на какую-то высокую гору, которая светится вдали, как звезда*» [там же, с. 154].

Рассказ «На родине» не имеет конкретной топографической привязки. Родина для героя рассказа – понятие не географическое, а духовное, место, где он в конце жизни обретает себя как человека.

Чеховский «след» заметен и во втором сборнике очерков и рассказов писателя «В Татьянину ночь» (1913), что не преминула отметить литературная критика. обстоятельной рецензией откликнулся на сборник М. Горький. Считая зависимость от Чехова недостатком стиля Кумова, он делает акцент на сильных сторонах самообытного таланта молодого прозаика, который «умеет писать просто и кратко о страшной русской жизни <...>, умеет говорить о ней своими словами, умеет найти в ней что-то новое, поучительное и трогательное за сердце» [Горький, 1913, с. 372].

Таким новым явлением в творчестве Кумова стали включенные в сборник юмористические рассказы. Близость к чеховской поэтике проявляется здесь прежде всего в трагикомичности сюжетных ситуаций, неразделимости смеха и слез, позволяющих обнажить бездуховность и

тоскливое однообразие повседневности, «контрасты и антитезы мечты и действительности», на фоне которых раскрываются характеры персонажей Кумова.

Герой рассказа «Проповедь» отец Поликарп в своей церковной проповеди решил обличить местного деревенского кулака, содержателя трактира. Во время произнесения проповеди молодой пастырь не может преодолеть чувство робости и неуверенности в себе: *«В течение часа, пока он говорил проповедь, он судорожно тербил свою тощую молодую бородку, часто срывался с голоса и никак не мог принудить себя посмотреть в ту сторону, где солидно, как монумент, стоял Еремин»* [Кумов, 2008, с. 214]. Всю последующую неделю священник не знал душевного покоя, боясь жалобы влиятельного прихожанина.

Комический эффект возникает в рассказе из-за несоответствия между высокими идеалами и трагическим настроением Поликарпа, мысленно сравнивающего себя с древними римскими мучениками, даже ощущающего готовность *«умереть за свое убеждение»*, и прозаической сельской действительностью, в которой кулак-трактирщик считается значительным общественным деятелем, способным навлечь на проповедника гнев мирских и церковных властей. Развязка рассказа по-чеховски неожиданна и носит трагифарсовый характер. Еремин пожаловался земскому начальнику на то, что священник говорил слишком долго, из-за чего он, слушая проповедь, простудился и потому просит взыскать с батюшки расходы на лечение.

В рассказе «Несчастье» жена богатого купца Марья Ивановна Спичкина отравилась уксусной эссенцией, пораженная игрой на скрипке приехавшего к соседям сына-студента. Умирая, она прошептала мужу, что совершила самоубийство потому, что ей сделалось скучно.

Трагикомизм ситуации в том, что Спичкин, искренне страдая из-за смерти жены, ни на минуту не забывает о своем торговом деле: *«Спичкин долго смотрел на нее и, наконец, понял, что она умерла. Сердце его сжалось, ему захотелось громко закричать, что его обидели. Но он вспомнил, что впопыхах не успел запереть кассу в магазине. Это был крупный беспорядок, которого он не любил. Он вытер навернувшиеся слезы, надел шляпу и побежал в магазин»* [Кумов, 2008, с. 254].

Купец постоянно подсчитывает убытки, нанесенные смертью жены: *«По случаю похорон магазин не открывали. Когда в доме шли приготовления к выносу тела, Спичкин достал памятную книгу и записал в ней: “8 августа магазин закрыт. Убыток колоссальный! Иметь в виду: могильщик Иван Хоменко роет могилы в пьяном виде. Ладан росный – 60 коп. Дорого”»* [Кумов, 2008, с. 256].

Размышления героев об «убыточности» человеческой жизни – один из сквозных мотивов чеховского творчества. Герой рассказа «Скрипка Ротшильда» гробовщик Яков Бронза подсчитывает убыток, который нанесла ему смерть жены – 2 рубля 40 копеек. Жизнь и смерть привычно оцениваются гробовщиком по критериям материальной убыточности, имеющим точное денежное выражение. Однако смерть жены служит толчком к переосмыслению жизненных ценностей и духовному пробуждению Якова.

Любимая скрипка, завещанная Яковом бедному музыканту Ротшильду, которого он при жизни гнал и ненавидел, «выступает в рассказе как медиум в духовном единении людей» [Кубасов, 2010, с. 69].

Герой рассказа Кумова не способен на прозрение, к которому часто приходят персонажи зрелой прозы Чехова. Напротив, автор в финале рассказа доводит ситуацию до гротеска: *«Через пять месяцев Спичкин ездил за товаром в Москву и привез оттуда памятник на могилу жены. На памятнике был изображен амур с необыкновенно толстыми ногами, а под амуром было написано: “Незабвенной супруге своей, Марии Ивановне Спичкиной, с разбитым сердцем воздвиг сей памятник супруг ея, Иван Фомич Спичкин, торгующий в городе Оскуров галантерейным и бакалейным товаром. Цены без запроса”*». [Кумов, 2008, с. 256-257]. Рассказ о смерти любимого человека завершается как анекдот.

И если мелодия скрипки, в которой воплотилась душа ее создателя Якова Бронзы, трогает после его смерти сердца людей, то в рассказе Кумова она неспособна изменить ни самого героя, ни окружающую его действительность: *«Утром, как и накануне, скрипка пела о другой жизни, далекой от маленького скучного городка. Но слушать ее было некому»* [там же].

Наследуя темы, сюжеты, принципы и приемы чеховской поэтики, Кумов стремится переосмыслить их в контексте религиозно-философской проблематики своего творчества, уравновесить комическое лирической стихией своей прозы, соединить смех и «вечную скорбь души» в изображении судеб своих героев. Он не «переписывает» Чехова, но ищет иной, чем у любимого писателя, ответ на поставленные им мировоззренческие вопросы.

После его смерти летописец донской литературы Виктор Севский написал: «Кумов это Чехов, ушедший в степь, Чехов, зачарованный ковылем и чобором» [Севский, 1919, 22 февраля, с. 2-3].

Репутация «донского Чехова» надолго закрепилась за писателем несмотря на то, что в его творчестве 1910-х гг. появились новые, отнюдь не чеховские темы, герои, сюжеты. По-новому раскрылся и его талант драматурга. В 1916 г. драма Кумова «Конец рода Коростомысловых» получила первую премию на всероссийском конкурсе им. А. Н. Островского. Уже в первых критических откликах на пьесу, не преминувших напомнить о чеховском начале в прозе писателя («Кумов и писал и пишет в строго выдержанных чеховских тонах»), был отмечен реалистический характер драмы: «Конец рода Коростомысловых» – пьеса реально-бытовая. Впрочем, столь типичной для Кумова лирике в ней отведено видное место. Написана она прекрасным русским языком» [Измайлов, 1916, с. 5-6]. Драма с большим успехом шла в нескольких столичных и провинциальных театрах, которые конкурировали друг с другом за право ее первой постановки. В театральном репертуаре пьеса оставалась до середины 1920-х гг. Была дважды экранизирована кинокомпанией «Русь» (1920, 1922). На родине успех Кумова-драматурга восприняли как признание достижений донской литературы, хотя действие пьесы происходит не на Дону, а на Каме.

Характеры героев драмы непохожи на прежних персонажей писателя. По словам одного из первых ее критиков, «...Перед нами встает картина дикого

камскаго края с дикими и сильными, и красивыми в своей силе и дикости людьми». Это люди, таящие «редкую энергию деятельности и изумительную насыщенность жизни, которая толкает их и на великие дела и не великие преступления». Особой похвалы удостаиваются речевые портреты героев: «Великолепен язык пьесы, подслушанный у живого народа, образный, красочный» [Никонов, 1916, с.7].

Ю. И. Айхенвальд, один из самых авторитетных литературных критиков Серебряного века, сопоставил драму Кумова с его прозой и заключил, что «драматург в нем гораздо слабее лирического рассказчика. Его пьеса интереснее в своих ремарках, чем в диалоге». Трагические страсти, овладевающие героями пьесы, по мнению критика, недостаточно мотивированы, потому что Кумов «и хронологически, и психологически отодвинул от своих событий их причины... Не драма получилась у него, а мелодрама». Нависающая над всем действием «тень кровавого преступления, совершенного двадцать пять лет назад», кажется рецензенту «смутным влиянием Достоевского». Другое дело – проза Кумова, для которой характерна «лирическая ласковость». Критику «симпатична его писательская личность, неяркая, несложная, но зовущая в свой светлый внутренний мир; подкупает доброе и участливое отношение к людям, вера в них и в самую жизнь, рисуемую в тонах неподавляющей печали; заглядываешь на красивые пейзажи» [Айхенвальд, 1916, с. 3].

Многочисленные и разноречивые отклики на пьесу свидетельствуют о том, что драматическая история угасания древнего купеческого рода, пронизанная библейскими и житийными реминисценциями, стала заметным литературным явлением своего времени. Через несколько лет ее сюжетные мотивы и образы, как убедительно показала М. А. Медведева, отозвались в романе М. Горького «Дело Артамоновых» [Медведева, 2020].

О расширении диапазона тем и образов писателя, повышенному вниманию к социально-бытовой проблематике можно судить и по необычайно колоритной первой картине пьесы «Бабока, или Путешествие из Петербурга в Батум», опубликованной после смерти автора. К сожалению, полный текст пьесы пропал вместе с архивом писателя. Он был вынужден бежать из родной станицы Усть-Медведицкой накануне стремительного захвата ее красными.

Во второй половине 1910-х гг. наметился поворот писателя от жанра рассказов, принесших ему известность, к большим эпическим формам. По пересказам близких Кумову литераторов мы узнаем о содержании двух романов писателя. Это роман «Золотые жезлы», главная героиня которого — необычная девушка, нарушившая серую жизнь деревни и влекущая за собой к переменам всех ее жителей. Вторым был роман-эпопея «Пирамида» («Святая гора»), написанный на донском материале. В некрологе В. Севского утверждалось, что «законченный роман “Святая гора”, над которым покойный работал несколько лет», – «произведение редкой литературной ценности» [Севский, 1919, 10 марта, с. 3-4]. Рукописи романов, к сожалению, пропали, как и архив писателя.

Сохранились лишь восхищенные отклики первых читателей – Виктора Севского, редактора «Донской волны», напечатавшего в начале 1919 г. отрывок из романа-эпопеи, и критика, поэта, переводчика Сергея Серапина (с. Пинуса), члена усть-медведицкого литературного кружка, который увидел в «Пирамиде», «дивное изображение религиозного движения... в простонародной среде северо-донского казачества» [Серапин, 1922, с. 1].

В некрологах о Кумове, выражавших глубокую скорбь о понесенной литературой потере, возник вопрос о региональной принадлежности творчества писателя. Дело в том, что большинство принесших ему широкую известность произведений с донским материалом напрямую не связаны. И публиковались они в столичных журналах и издательствах. Донская тематика занимает ведущее место в его творчестве лишь с 1917 г., когда он стал свидетелем и художественным летописцем донской Вандеи, братоубийственной гражданской войны на Дону. Ей посвящены стихотворение в прозе, проникновенные донские рассказы и очерки Кумова 1917-1918 гг. Акварельные картины донской природы, фольклорные предания и легенды, эпизоды Гражданской войны живописуют в них стихию народной жизни на трагическом изломе истории донского края (см.: [Медведева, 2016]). И совсем не случайно Войсковой круг Всевеликого войска Донского похоронил Кумова «с воинскими почестями, «как не хоронили ни одного русского писателя» [Севский, 1919, 3 марта, с. 4-5]. В официальном некрологе донского атамана генерал-лейтенанта Богаевского он был назван «певцом родного края» [Донские ведомости, 1919, с. 3].

На этом же настаивал крупнейший донской писатель Федор Крюков.

«Может быть, это имя на Дону, в родном краю, нежно любимом отошедшим юным писателем нашим, не имело той известности, на какую были у него все права...

Но придет время – и не далеко оно, – наши дети прочтут светлые, вдохновенные страницы, проникнутые любовью, дышащие нежной лаской, трепещущие светлой грустью, – прочтут сказания Романа Кумова о родной земле, об ее безбрежных, седых, задумчивых курганах<..>, о душистом чоборе и скромном сером полынке» [Крюков, 1919, с. 1].

В том же ключе были склонны оценивать творчество Кумова и другие донские литераторы. В спор с ними вступил Евгений Венский:

«И при жизни Кумова донцы ерепенились:

– Наш! Донской! Своего завода!

И больше знать ничего не хотели.

И, схоронив, продолжают бормотать:

Похоронили-то. Кого. Ведь донской!

– Там у них Андреевы да Куприны, Мережковские да Бунины, а этот наш.

У них свои, а этот – наш.

– Конечно, он писал и про Каму <...> и про Питер <...>, но это все чепуха. Главное то, что чобор описывал. А чобор где растет? У нас! Значит – наш и есть он донской чистокровный писатель.

Свели на “роль” войскового писаря <...>.

И в глубине души даже огорчались:

– Напрасно это он про березу пишет. Не донское это растение. Наше – тополь...» [Венский, 1919, с. 5-6].

Итог этой полемики подвел Виктор Севский:

«В газетных заметках не раз мне пришлось читать о Кумове – “донской писатель”. Писали это не казаки, а русские журналисты из русских газет.

Почему же для них тогда Тургенев – не орловский писатель, Гончаров — симбирский, а француз Доде – провансальский писатель? ...

Да, Кумов – родом донской казак, да, у Кумова много страниц, нежных и ласковых, о родном крае. Но ведь и у Тургенева – “Записки охотника” из жизни Орловской губернии. Над Доном и над Орлом одно небо – широкое бескрайнее-русское» [Севский, 1919, 3 марта, с. 4].

Можно понять стремление современников Кумова определить его место в русской литературе, в ряду писателей-современников. Сделать это было непросто, поскольку он не примыкал ни к одному из литературных направлений или течений Серебряного века. Сопоставляя его с Ф. Крюковым, их литературный соратник писал: «Крюков был реалист, один из самых бесстрашных, какие появлялись в истории художественного бытописания. <...> Кумов – романтик. Бытовое содержание его рассказов всегда погружено в проникновенный идеализм и куда-то зовущее раздумье и настроение...» [Серапин, 1922, с. 1]. Но эта дихотомия верна лишь отчасти: многие рассказы писателя, который, по словам Горького, «умеет писать просто и кратко о страшной русской жизни», повесть «Лиза», драмы Кумова романтическими никак не назовешь. Лирическое «настроение» как доминирующее начало его поэтики, пейзажная живопись в чем-то родственны эстетике русского импрессионизма (Б. Зайцева, И. Шмелева, С. Н. Сергеева-Ценского) – см. о ней: [Захарова, 2012]. Не случайно, что из современных прозаиков писатель особенно выделял С. Н. Сергеева-Ценского [Письма Кумова, 1919, с. 7-8]. Однако этот аспект поэтики Кумова требует специального исследования.

Заключение

Художественный метод Кумова нельзя свести к одной формуле. Требуется системный подход к проблеме эволюции его творчества, в котором оказались неразделимы романтика и реализм, духовно-религиозное и психологическое, донское и общероссийское, «родное и вселенское». Определение «донской Чехов» отражает лишь одну из особенностей его художественной манеры, очень важную, но недостаточно точную для литературной атрибуции творчества писателя.

Список источников

- Айхенвальд Ю. И. О Романах Кумова // Речь. Пг., 1916. № 195 (18 июля). С. 3.
Венский Е. «Не по чину берешь» (несвязные думы) // Донская волна. 1919. № 10 (3 марта). С. 5-6.
Богаевский А. П. От Донского Атамана // Донские ведомости. 1919. № 45 (22 февраля / 7 марта). С. 3.
[Горький М.] А. 3-в. Роман Кумов – «В Татьянину ночь». Рассказы и очерки. Кн-во «Жизнь для всех». СПб. // Современник. 1913. Кн. 7. С. 372.

- Захарова В. Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века: монография. Н. Новгород: НГПУ, 2012. 272 с.
- Заяц А. А. Кумов Р. П. // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 227-229.
- Измайлов А. Новый лауреат конкурса Островского // Биржевые ведомости. СПб. 1916. № 15334 (20 января). С. 5-6.
- Крюков Ф. Роман Кумов // Донские ведомости. 1919. № 44 (21 февраля / 6 марта). С. 1.
- Кубасов А. В. Семантика нарративной структуры рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» // Филологический класс. 2010. № 24. С. 67-72.
- Кумов Р. П. (2008) Избранное / сост. В. И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008.
- Кумов Р. П. Письма И. Л. Леонтьеву-Щеглову // ИРЛИ. Ф. 150. Д. № 866. Л. 16.
- Медведева М. А. Трагедия Гражданской войны в донской прозе Р. П. Кумова // «Гений места» в русском искусстве XX века: материалы Всерос. науч. конф., посвящённой 135-летию И. И. Машкова. Волгоград: Панорама, 2016. С. 259-263.
- Медведева М. А. Р. П. Кумов и А. М. Горький: история литературных отношений // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2020. Т. 24, № 2. С. 161-170.
- [Никонов Б.] Б. Н. Новые пьесы. Конец рода Коростомысловых // Обзорение театров. 1916. № 3154 (7 июля). С. 7.
- Севский В. Роман Кумов [некролог] // Военный листок. 1919. №2 (22 февраля). С. 2-3.
- Севский В. Степной брат (Листки воспоминаний) // Донская волна. 1919. № 10 (38) (3 марта). С. 4-5.
- Севский В. 10 марта) Кумов-писатель // Донская волна. 1919. № 11(39) (10 марта). С. 3-4.
- Серпин С. (Пинус С.). Думы и дни. III. Крюков и Кумов // Казачьи думы (София). 1922. №5 (5 марта). С. 1.
- Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989. 136 с.
- Чехов А. П. (1977) Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 10. М.: Наука, 1977. 496 с.
- Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М.: Наука, 1996. 320 с.
- Шестаков Д. (1907) // Слово. 22 ноября. С. 4.

References

- Chekhovian: Chekhov and the Silver Age.* (1996) Moscow: Science, 1996. 320 p. (In Russian)
- Eichenwald Yu.I. (1916) About Roman Kumov. *Speech*. Petrograd, no. 195 (July 18), p. 3. (In Russian)
- Bogaevsky A.P. (1919) From the Donskoy Ataman. *Don Bulletin*, no. 45 (February 22 / March 7), p. 3. (In Russian)
- [Gorky, M.] (1913) A. Z.-v. Roman Kumov – "On Tatiana's Night". – Short stories and essays. Book "Life for all". St. Petersburg, 1913. *Sovremennik*. Book 7, p. 372. (In Russian)
- Izmailov A. (1916) The new laureate of the Ostrovsky competition. *Stock Bulletin*. St. Petersburg, no. 15334 (January 20), pp. 5-6. (In Russian)
- Kryukov F. (1919) Roman Kumov. *Don Bulletin*, no. 44 (February 21 / March 6), p. 1. (In Russian)
- Kubasov A.V. (2010) Semantics of the narrative structure of A.P. Chekhov's short story "Rothschild's Violin". *Philological class*, no. 24, pp. 67-72. (In Russian)
- Kumov R.P. (2008) *Favorites* / comp. V.I. Suprun. Volgograd. (In Russian)

- Kumov R.P. Letters to I.L. Leontiev-Shcheglov. *IRLI. F. 150. D. No. 866. L. 16.* (In Russian)
- Medvedeva M.A. (2016) The tragedy of the Civil War in the Don prose R.P. Kumov. "The Genius of place" in *Russian art of the XX century: materials of the All-Russian Scientific Conference, dedicated to the 135th anniversary of I.I. Mashkov.* Volgograd, Panorama, pp. 259-263. (In Russian)
- Medvedeva M.A. (2020) R.P. Kumov and A.M. Gorky: the history of literary relations. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences*, vol. 24, no. 2, pp. 161-170. (In Russian)
- [Nikonov B.] (1916) B.N. New plays. The end of the Korostomyslov family. *Review of theaters*, no. 3154 (July 7), p. 7. (In Russian)
- Sevsky V. (1919, February 22) Roman Kumov [obituary]. *Military Leaflet*, no. 2 (February 22), pp. 2-3. (In Russian)
- Sevsky V. (1919, March 3) Steppe brother (Sheets of memoirs). *Don wave*, no. 10 (38) (March 3), pp. 4-5. (In Russian)
- Sevsky V. (1919, March 10) Kumov-writer. *Don wave*, no. 11(39) (March 10), pp. 3-4. (In Russian)
- Serapin, S. (1922) (Pinus S.). Thoughts and days. III. Kryukov and Kumov. *Cossack Dumas (Sofia)*, no. 5 (March 5), p. 1. (In Russian)
- Shestakov D. (1907) *Word*, November 22, p. 4. (In Russian)
- Туупа В.И. (1989) *The artistry of Chekhov's story.* Moscow, 1989. 136 p. (In Russian)
- Vienskiy E. (1919) "You take out of rank" (disconnected thoughts). *Don wave*, no. 10 (March 3), pp. 5-6. (In Russian)
- Zakharova V.T. (2012) *Impressionism in Russian Prose of the Silver Age: monograph.* N. Novgorod, 2012, 272 p. (In Russian)
- Zayats A.A. (1994) Kumov R.P. Russian writers 1800-1917. *Biographical Dictionary*, vol. 3. Moscow, pp. 227-229. (In Russian)

Сведения об авторе

Гольденберг Аркадий Хаимович – докт. филол. наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, goldenberg48@mail.ru

Information about the author

Arkady Kh. Goldenberg – grand Ph.D. of Philology, professor. Department of Literature and Methods of Teaching, goldenberg48@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.